

A dark, long hallway with a door open on the left, illuminated by blue lights. A notebook lies on the floor in the foreground.

Никита Зон

Тихий час Саблина

Никита Зон

Тихий час Саблина

<https://litres.ru/74005079>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ирина Дмитриевна Саблина позвонила дочери за день до смерти и сказала: «Здесь кто-то убивает людей. Я поняла, как это делается. Приезжай».

Маша не приехала вовремя. Утром мать нашли мёртвой в палате санатория — официальный диагноз: сердечная недостаточность. Всё выглядело естественно. Почти.

Но в тумбочке остался блокнот с бухгалтерски точными записями: имена, даты, закономерности. И одно имя в конце: «Ищи Громову. Она знает».

Психологический триллер о том, как легко не заметить человека рядом. И о том, что даже умирая, люди иногда успевают сказать главное.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Никита Зон

Тихий час Саблина

Глава

ТИХИЙ ЧАС

Психологический триллер

2026

ПРОЛОГ

Она умерла в тихий час.

Именно так называли это время в санатории — с двух до четырёх дня, когда пациентов укладывали отдыхать, медсёстры переходили на шёпот, а коридоры заполнялись особой ватной тишиной. Тишиной, в которой хорошо слышно всё, что происходит за закрытыми дверями.

Ирина Дмитриевна Саблина лежала на кровати в палате номер семь, глаза открыты, руки сложены на груди — почти как на фотографии из некролога, который её дочь напечатает через три дня. Дежурная медсестра обнаружила её в 16:02, когда разносила вечерние таблетки.

Официальная причина смерти: сердечная недостаточность. Семьдесят один год, слабое сердце, санаторий для вос-

становления после инсульта — всё логично.

Кроме одного. Ирина Дмитриевна за день до смерти позвонила своей дочери и сказала: «Здесь кто-то убивает людей. Я поняла, как это делается. Приезжай».

Дочь приехала. Но было уже поздно.

ГЛАВА 1. МАША

Маша Саблина узнала о смерти матери в очереди на кассе «Перекрёстка». Телефон завибрировал в кармане куртки, на экране высветился незнакомый номер с ростовским кодом, и незнакомый голос произнёс слова, которые она потом ещё долго будет прокручивать в голове — ища интонации, паузы, недосказанность.

— Мария Андреевна? Это старшая медсестра санатория «Сосновый бор». Ваша мама... Ирина Дмитриевна скончалась сегодня в период дневного отдыха. Примите наши соболезнования.

Впереди в очереди стояла женщина с тремя пакетами молока и ребёнком на руках. Кассирша пробивала товары с равнодушной скоростью автомата. Маша стояла с корзинкой, в которой лежали йогурт, хлеб и пачка кофе, и думала только об одном: мама звонила вчера.

«Здесь кто-то убивает людей. Я поняла, как это делается. Приезжай».

Маша тогда не приехала. Она сказала: «Мама, тебе нужно больше отдыхать. Может, тебе снотворное поменяли? Пого-

вори с врачом». Мама помолчала и сказала: «Хорошо, Машенька». И положила трубку.

А утром умерла.

Маша бросила корзинку прямо у кассы, вышла на улицу и впервые за много лет заплакала — прямо на тротуаре, под мелким октябрьским дождём, рядом с урной и велопарковкой. Прохожие обходили её стороной.

Потом она вытерла лицо рукавом куртки, достала телефон и купила билет на ближайший поезд до Ростова.

* * *

Санаторий «Сосновый бор» находился в сорока километрах от Ростова — в сосновом лесу, разумеется, что подчёркивалось в каждом рекламном буклете. Маша ехала туда на такси, смотрела в мокрое окно и пыталась вспомнить, когда в последний раз видела мать живой.

Август. Они сидели на кухне материной квартиры на Садовой, пили чай, и мама рассказывала про соседку снизу, которая завела кошку и та топает ночью. Маша кивала и думала о работе. Стандартный визит дочери, у которой вечно нет времени.

После инсульта в сентябре врачи настояли на санатории. Маша помогла с документами, оплатила путёвку, привезла вещи. Мама улыбалась и говорила, что всё хорошо, воздух тут хороший.

«Здесь кто-то убивает людей».

Такси остановилось у главных ворот. Маша вышла, подня-

ла воротник и пошла к корпусу по аллее между соснами. Деревья стояли высокие, прямые, и от них действительно пахло смолой — даже сейчас, в октябре, под дождём.

У входа её встретила женщина лет пятидесяти в белом халате поверх вязаного жилета. Широкое лицо, короткие крашенные волосы, усталые глаза.

— Мария Андреевна? Я Светлана Борисовна, старшая медсестра. Мы разговаривали по телефону.

— Где она? — спросила Маша вместо приветствия.

— В морге при больнице в Ростове. Тело увезли утром по протоколу. Я понимаю, это тяжело. Пройдёмте, я провожу вас к Аркадию Семёновичу, нашему главному врачу. Он объяснит...

— Сначала я хочу увидеть палату.

Светлана Борисовна чуть замешкалась — секунда, не больше, — и кивнула:

— Конечно.

ГЛАВА 2. ПАЛАТА НОМЕР СЕМЬ

Палата была самой обычной. Две кровати — вторая застелена свежим бельём, уже готовая для следующего пациента. Тумбочка, шкаф, телевизор на кронштейне, окно с видом на сосны. Мамины вещи стояли аккуратной стопкой у стены — Светлана Борисовна сказала, что их упаковали с утра.

Маша подошла к кровати у окна — той, где лежала мать. Села на край. Матрас слегка прогнулся под её весом.

— Она была одна в палате? — спросила Маша.

— Последние четыре дня — да. Соседка выписалась в субботу.

— Кто нашёл её?

— Я. — Светлана Борисовна остановилась у двери. — В 16:02, когда разносила вечерние таблетки. Ирина Дмитриевна лежала на кровати. Я сначала подумала, что она ещё спит. Такое бывает — люди крепко засыпают в тихий час. Но когда я подошла ближе...

Она не договорила.

— Как она лежала? — спросила Маша.

— На спине. Руки... — Светлана Борисовна чуть замялась.

— Руки были сложены на груди. Аккуратно.

— Аккуратно?

— Да.

Маша посмотрела на медсестру. Та отвела взгляд.

— Люди обычно умирают не аккуратно, — сказала Маша тихо. — Я понимаю это, хотя и не врач.

Светлана Борисовна молчала.

— Мама вам что-нибудь говорила? В последние дни? — продолжила Маша.

— Ирина Дмитриевна была... беспокойная в последнюю неделю. Плохо спала. Спрашивала про других пациентов.

— Про каких пациентов?

— Про тех, кто умер здесь раньше. — Медсестра сказала это тихо, почти шёпотом. — У нас пожилой контингент,

смерти случаются. За год умерло пятеро. Это в пределах нормы для такого учреждения. Но ваша мама... она почему-то интересовалась именно этим. Просила у меня списки, истории болезней. Конечно, я не могла ей это дать.

— Пятеро за год, — повторила Маша. — В прошлые годы столько же?

Пауза была слишком долгой.

— Раньше было меньше, — признала Светлана Борисовна наконец. — Но это совпадение. Новые пациенты, более тяжёлые случаи...

— Сколько?

— Что?

— Сколько умирало раньше? В год?

— Один-два человека. — Светлана Борисовна выпрямилась. — Мария Андреевна, я понимаю вашу боль, и я очень сочувствую. Но я прошу вас не делать поспешных выводов. Ваша мама была в тяжёлом состоянии после инсульта. Сердечная недостаточность —

— Она мне позвонила вчера, — перебила Маша. — Сказала, что здесь убивают людей. А утром умерла.

Тишина в палате стала плотной, как вата.

— Я слышала про этот звонок, — сказала наконец Светлана Борисовна. — Аркадий Семёнович говорит, что у пожилых людей после инсульта бывают... эпизоды. Параноидальные идеи. Это медицинский факт.

— Значит, он тоже знал про звонок.

— Она говорила об этом не только вам.

Маша встала с кровати, подошла к тумбочке. Внутри лежали мамины вещи — те, что не успели убрать в стопку. Очки в твёрдом футляре. Книга — Маринина, заложена на середине. Блокнот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.